

купеческую аудиторию, имела, вероятно, целью приблизить журнал к ее профессиональным интересам и тем самым завоевать ему большее внимание накануне сбора подписки на следующий год. Если действительно таковыми были редакторские намерения Хольстена, то его ждало разочарование: притока новых читателей, как известно, не последовало. Пробудить любознательность в германоязычной торговой среде Петербурга не удалось. Конечно, у нее нашли бы отклик публикации сведений о рыночной конъюнктуре в интересовавших ее регионах и центрах коммерции; но, пойдя Хольстен по такому пути, ему следовало бы переориентироваться на издание торговой газеты и отказаться от общепросветительских, гуманитарных целей, которые он себе поставил. Эту альтернативу он, вероятнее всего, даже не рассматривал, и потому, заполнив оставшиеся до конца года несколько номеров опять разную смесь,⁸² благополучно завершил свой листок.

С первого и до последнего номера Хольстен добросовестно и вдумчиво исполнял принятую на себя роль переводчика-компилятора, не претендуя ни в малейшей степени на какую-либо самостоятельность и пунктуально извещая в заголовках о своих источниках, хотя и называя их подчас очень неопределенно (например: «из английских и других авторов»). Основным его приемом был выборочный перевод, при котором содержание реферруемого сочинения передавалось не собственным его изложением, а довольно точным переводом из него отрывков разной протяженности (от нескольких страниц, абзацев, предложений до отдельных фраз и даже их фрагментов), подогнанных друг к другу таким образом, чтобы составлялось непрерывное смысловое целое. Иногда это получалось очень удачно, иногда — с немалыми потерями аргументации и доказательности, о чем, однако, читатели не догадывались, так как эти нарушения видны, как правило, только при сличении с английским подлинником. При подобном обращении с исходным текстом ослабевали его исконные внутренние связи, деформировалась авторская логика, теснимая логикой рассуждений компилятора, у которого появлялась необходимость в отступлении от последовательности выбранных отрывков. Хольстен сплошь и рядом прибегал к перекомбинации. В простейших случаях переставлялись соседние фрагменты (см. в Приложении пример 1), но иногда перетасовкой мелких фрагментов, извлеченных с удаленных друг от друга страниц, создавался мозаичный текст, в котором происходили уже значительные нарушения авторского изложения, например: материал, иллюстрирующий определенный аргумент, привлекался для пояснения другой мысли

⁸² Статья «О счастье и несчастье людей в этой жизни» (EW, 44), краткий очерк истории христианства (EW, 45), обзор античных религий и современного язычества на Востоке и в Америке (EW, 46), извлечения из собрания сочинений Джонаатана Ричардсона старшего (EW, 50; в каталоге: Richardson's Works. 1773. 1 vol. 8vo. См.: Catalogue. P. 59), сатирическое письмо о женитбе из какого-то журнала (EW, 49), стихотворения, анекдоты и другие материалы.